

**Структура экономических аттитюдов молодежи – представителей
коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской
Федерации: результаты пилотного исследования**

Ekaterina V. Zabelina¹, Svetlana A. Kurnosova¹, Irina A. Trushina¹

¹Chelyabinsk State University

129 Br.Kashirinyh, Chelyabinsk, 454001 Russia

Vladimir S. Luzan², Natalia P. Koptseva¹²

²Siberian Federal University

82A Svobodny, Krasnoyarsk, 660041 Russia

decanka@mail.ru

Аннотация

В статье представлены результаты пилотного исследования экономических аттитюдов молодежи – представителей коренных малочисленных народов Арктической зоны (далее – молодежь). В качестве основного методологического инструмента в статье использовался шкальный многофакторный опросник для экспресс-диагностики экономических аттитюдов, разработанный О.С. Дейнека и Е.В. Забелиной. В результате в статье представлена структура экономических аттитюдов молодежи.

Кроме того, с помощью факторного анализа обнаружено четыре фундаментальных фактора, которые необходимо рассматривать в качестве типов экономического сознания, однако только один из них является финансово уверенным и грамотным. Другие три типа испытывают трудности со знаниями в области экономики, что может привести к

¹ Corresponding author Natalia P. Koptseva, e-mail address: decanka@mail.ru

неудовлетворенности и разочарованию молодежи в данной сфере в будущем.

В заключении обозначены общие выводы и тенденции, характеризующие склонность молодых людей из числа коренных малочисленных народов Арктической зоны к пассивным, безопасным, не рискованным финансовым стратегиям.

Ключевые слова: экономическое сознание, экономическое поведение, коренные малочисленные народы Арктической зоны, экономические attitudes, отношение к деньгам.

24.00.00 культурология

08.00.00 экономические науки

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00394 «Трансформация экономического поведения коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Арктической зоны Российской Федерации в условиях глобализации».

Introduction

Социальные и культурные изменения под влиянием глобализационных процессов критически отражаются на коренных малочисленных народах (далее – КМНС), сохраняющих идентичность главным образом посредством ведения традиционного хозяйства. Глобальное потепление и активное промышленное освоение территорий традиционного природопользования оказывают на них фундаментальное влияние, внося существенные коррективы в традиционные способы хозяйствования. Кроме того, сырьевая направленность российской экономики позволяет предположить, что в краткосрочной и долгосрочной перспективах объемы промышленного

освоения территорий традиционного хозяйствования коренных малочисленных народов Севера будут только расти. Наиболее заметны изменения в экономической сфере, где наблюдается безработица, снижение интереса к предпринимательской деятельности, потеря духа собственности, экономический пессимизм и апатия, неготовность планировать свое финансовое будущее.

Вместе с тем, экономическое сознание коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации, особенно молодежи, изучено крайне ограничено. Все это обуславливает актуальность проблемы и растущий интерес исследователей к ней в последние годы (Лузан В.С., 2018; Копцева Н.П., Сергеева Н.А., Ермаков Т.К., 2018; Харючи Г.П., Петрова В.П., 2014; Деттер, 2018 и др.). Ряд исследований посвящено актуальному состоянию коренных малочисленных народов, проживающих на территории Красноярского края и находящихся под воздействием процессов глобальных трансформаций (Koptseva, & Kirko, 2014a; Koptseva, & Kirko, 2014b; Koptseva, & Kirko, 2014c; Reznikova et al, 2016; Kistova et al, 2016; Koptseva, 2014, et other).

В этом контексте особую роль приобретает такая категория, каковой являются экономические аттитюды.

Theoretical framework

Упоминания об аттитюдах впервые встречаются в психологии в первой трети XX века и до сих активно используется в науке. Для данного исследования наиболее методологически значимым является определение М. Рокича (Rokeach, 1986), согласно которому аттитюды – это «a relatively enduring organization of beliefs around an object or situation predisposing one to respond in some preferential manner» (с. 112).

Традиционно, выделяют три компонента в структуре аттитюдов – познавательный, эмоциональный и поведенческий (Смит, 1986), которые тесно связаны (Dinauer and Fink, 2005; Rosenberg, 1960), и даже могут

вступать в противоречия (Armitage and Conner, 2000; Chaiken and Yates, 1985).

Экономические аттитюды, как индивидуальные, так и групповые, наиболее активно изучались в последней четверти XX века. В частности, исследовались аттитюды безработицы (Kalil et al., 2001; Lewis and Furnham, 1986), аттитюды сбережений (Furnham, 1985), аттитюды задолженности и потребления (Lea et al., 1995; Mewse et al., 2010), инвестиционные аттитюды (Antonides and Van Der Sar, 1990). Кроме того, анализу подвергались эффекты взаимодействия различных аттитюдов (Furnham, 1987).

В свою очередь экономические аттитюды рассматриваются, как правило, в качестве составляющей экономического сознания. В тоже время экономическое сознание выступает в большей степени как предмет изучения отечественной экономической психологии, в отличие от зарубежных психологов внимание которых сосредоточено в основном на феномене экономического поведения (Lewis et al., 1995).

В целом экономическое сознание модно определить как целостную систему отражения объективной экономической действительности, состоящую из различных представленных в психике экономического субъекта элементов. Данные элементы находятся между собой в закономерных иерархических отношениях. Одно из первых определений экономического сознания в отечественной исследовательской мысли было дано А.В. Филипповым и С.В. Ковалевым (Дейнека, 1999), которые трактуют его как «системную составляющую сознания, высший психический уровень отражения экономических отношений общественно развитым человеком. Сегодня принято говорить об индивидуальном и групповом экономическом сознании, включающем в свой состав осознанные и неосознанные компоненты психики, активные и пассивные уровни отражения и регуляции» (Дейнека, 2011).

Если обратиться к изучению подходов к определению и обоснованию структуры экономического сознания индивида, то необходимо обозначить

подход, разрабатываемый А.Л. Журавлевым и его коллегами. Согласно данному подходу к основным феноменам индивидуального и группового экономического сознания следует отнести:

1) социальные представления об экономических объектах, как реальных, так и идеальных;

2) отношение к экономическим объектам, а также мнения и суждения о них, их оценки и т.п.;

3) социальные установки, стереотипы и предрассудки, связанные с экономическими объектами;

4) осознаваемые эмоции, чувства и в целом переживания, связанные с экономическими объектами;

5) феномен социальных ожиданий, предвосхищения, прогноза экономических изменений, т.е. предстоящих событий, связанных с экономическими объектами;

6) социальная категоризация и интерпретация экономико-психологических явлений и др.

При этом автор делает акцент на том, что обозначенные феномены экономического сознания не имеют единого основания их четкого выделения. Как правило, они частично перекрывают друг друга по своему содержанию и обозначаются терминами из разных теоретических подходов (Журавлев, 2004).

На основе эмпирических исследований А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко (А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко, 2003) выделяют основные компоненты экономического сознания: представления (о себе как об экономическом субъекте, о материальном благосостоянии, богатстве; о богатых и бедных людях, о доходных видах деятельности, о собственности и собственнике); социальные установки личности на различные формы экономического поведения; отношение личности к деньгам; психологическая готовность к конкуренции (соревнованию) с другими людьми в

экономической сфере; ориентация личности на экономические ценности (Журавлев, Купрейченко, 2003, с. 7).

Еще одна модель экономического сознания, отличающаяся упорядоченностью и логикой, предложена О.С. Дейнека (Дейнека, 2011). Исследователь предлагает рассматривать компоненты экономического сознания на пересечении двух плоскостей: активность – пассивность, функция отражения – функция регуляции. Таким образом, возникают четыре основных квадранта экономического сознания: экономическая перцепция; чувства и эмоции в экономической сфере; экономические представления и экономическое мышление; экономические мотивы, интересы, нормы и экономические действия, поступки, деятельность. Экономические аттитюды в рамках данной модели пронизывают сразу несколько уровней (чувства и эмоции в экономической сфере, экономические представления и экономические мотивы).

Наиболее распространено исследование взаимосвязи отношения к деньгам с другими психолого-экономическими феноменами. Например, А. Furnham (Furnham, 1996) изучает влияние ценности работы на отношение к деньгам (денежные аттитюды). Von Stumm (Von Stumm et al., 2013) исследует влияние финансовой способности, отношения к деньгам и социально-экономического статуса на риск преодоления неблагоприятных финансовых событий. Таким образом, в психологической науке сформировались методологические подходы к исследованию экономических аттитюдов.

На усредненное экономическое поведение существенное влияние оказывают особенности идеологии, культуры, религии, психологии различных этносов (К.В. Павлов, 2016). Наряду с существованием индивидуальных особенностей экономического поведения, сознания, присущих человеку независимо от расы, национальности или культуры, специфические черты национальной психологии всегда оказывали глубокое воздействие на экономическую активность, экономическое поведение,

определяли мотивацию и этику труда, отношение к социальному и имущественному неравенству, собственности и богатству. (Г.В. Брега, 2018).

Основным фактором, отражающим специфику национального хозяйства и определяющим экономическую ситуацию, является экономическая культура. Под экономической культурой понимается «совокупность социальных ценностей и норм, являющихся регуляторами экономического поведения и выполняющих роль социальной памяти экономического развития: способствующих (или мешающих) трансляции, отбору и обновлению ценностей, норм и потребностей, функционирующих в сфере экономики и ориентирующих ее субъектов на те или иные формы экономической активности» (Т.А. Архипова, 2001).

Хозяйственная культура нематериальна и часто трудноуловима для анализа, но она существенно влияет на характер развития экономики страны или региона. Ее изменения очень медленны, экономика современных стран имеет много особенностей, роднящих ее с хозяйственным строем доиндустриального периода. Развитие хозяйства в каком-либо конкретном регионе обусловлено особенностями национальной экономической культуры (И.М. Миннегалиев, А.Г. Хайруллин, 2010).

Повышенное внимание к Арктической зоне исторически определялось, в основном, политико-экономическими интересами использования ее богатого ресурсного потенциала, обеспечения национальной безопасности, усиления международного политического влияния. За последние двадцать лет на фоне развития технологий добычи и навигации лишь немного изменились акценты: основной фокус внимания к Арктике сместился на освоение углеводородных запасов и возможностей увеличения перевозок по Северному морскому пути. Последствия «глобального потепления» делают экологически уязвимую Арктику еще более «выгодной» в плане повышения доступности ресурсов (И.Э. Фролов, 2015, В.Н. Борисов, О.В. Почукаева, 2016).

Арктическая экономика базируется на двух разных укладах — древнем, коренных малочисленных народов Севера (во многих арктических сообществах они продолжают численно доминировать) и относительно молодом — переселенцев. Данные уклады придают ей своеобразное многоэтническое, мультикультурное измерение. Для каждого из укладов характерны своя система норм и правил экономического поведения.

В традиционном укладе коренных малочисленных народов Севера до сих пор сохраняется престижность щедрости, неформальные правила распределения добычи охотниками среди всей общины, неявное знание приемов охоты на морских китов, моржей и тюленей и выпаса оленей. Аборигенная система наблюдения и использования биологических ресурсов целостна в отличие от четкого разграничения служб контроля за состоянием природной среды и агентств по управлению природопользованием в государственных структурах.

Традиционное жизнеобеспечение коренных народов постепенно теряет свою роль источника денежных доходов и занятости, но одновременно сохраняет и даже увеличивает значение нравственного стержня, духовной опоры для молодых аборигенов (А.Н. Пилясов, 2009). С другой стороны, современная молодежь Арктики, благодаря процессам глобализации разделяют такие же ценности, социальные ожидания и поведенческие нормы, как и их сверстники в других географических и культурных пространствах — только 29% молодых людей хотели прожить свою жизнь так же, как их родители (О.В. Осипова, 2014). Индустриализация северных территорий оказала огромное влияние на жизнь коренных малочисленных народов Севера, благополучие которых напрямую зависит от экологической ситуации в регионе, промыслового потенциала территории, а также внешнего воздействия на их общественный уклад жизни, обычаи и традиции (В.Н. Лексин, Б.Н. Порфирьев, 2015).

В этом контексте социально-экономическое пространство Арктической зоны Российской Федерации не является единым, а представляет собой

конгломерат локальных сред, располагающих своими специфическими особенностями. Вследствие этого, масштабы исследуемой территории, фактическое отсутствие внутреннего единства и экономической взаимосвязанности макрорегиона накладывают необходимость в территориальном подходе к организации экономических, социологических и психологических исследований (В.И. Павленко и др., 2017).

В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 03.01.1983 № 12 «О внесении изменений и дополнений в Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, утвержденный Постановлением Совета Министров СССР от 10 ноября 1967 г. № 1029» Ямало-Ненецкий автономный округ относится к районам Крайнего Севера [Справочная правовая система «КонсультантПлюс»], что определяет особые условия хозяйствования и установления специальных льгот для населения, в первую очередь, коренных малочисленных народов.

Территорию Ямало-ненецкого автономного округа (далее – ЯНАО) населяют представители многих народов. Коренными среди них являются ненцы, селькупы и северные ханты. Сегодня к коренным этнографическим группам можно отнести старожильческое население коми-зырян и русских, их этнокультурное взаимодействие с автохтонным населением было интенсивным. Титульными среди коренных народов являются представители самодийской группы уральской языковой семьи — ненцы (ненэць, ненэй ненэць).

На территории округа выделяют две этнографические группы ненцев: сибирская тундровая и сибирская лесная. В ЯНАО проживает 29772 представителя ненецкой национальности, что составляет 5,69% от общей численности населения; 9489 хатов (1,81%), 1988 селькупов (0,38%), что делает данный регион особо значимым в русле рассматриваемой проблемы.

Интересы промышленного освоения Ямальского Севера неизбежно сталкиваются с интересами традиционного природопользования коренных малочисленных народов. В ряде работ специальное внимание уделяется

проблеме взаимодействия КМНС и промышленных компаний (М.А. Зенько, 2001).

Несмотря на действия Закона «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе» (в ред. 2008 г.), специализированных законов, в том числе «Об оленеводстве» [Закон ЯНАО 1998], окружных целевых программ «Развитие АПК», «Обеспечение жильем граждан из числа коренных малочисленных народов Севера», «Культура, язык, традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера», уровень жизни КМНС остается очень низким (В.А. Тишков, 2016). Так, 17% считают, что денег хватает только на приобретение продуктов, а 5% – что не хватает даже на питание. Для проживающих в моноэтнических посёлках ненцев проблема бедности является ещё более острой (А.А. Дрегало, В.И. Ульяновский, 2016).

Statement of the problem

В данном пилотном исследовании внимание сфокусировано на изучении широкого спектра экономических аттитюдов (отношении к сбережениям, инвестициям, предпринимательству, наемной работе, финансовым институтам, потреблению и т.д.). Цель исследования – выявить структуру экономических аттитюдов молодежи – представителей коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации, а также интерпретировать результаты в контексте современной социально-экономической ситуации.

Methods

Для выявления структуры экономических аттитюдов молодежи – представителей коренных малочисленных народов Арктической зоны в качестве основного методологического инструмента использовался шкальный многофакторный опросник для экспресс-диагностики экономических аттитюдов, разработанный О.С. Дейнека и Е.В. Забелиной

(Дейнека, Забелина, 2018). Данный опросник был выбран в связи с тем, что он позволяет комплексно охарактеризовать поле экономических аттитюдов личности, поскольку в него включены различные сферы экономического поведения: собственника (отношение к деньгам, к собственности, берегательное и инвестиционное поведение), потребителя, предпринимателя и наемного работника. При этом он достаточно компактен (21 утверждение) и прост в обработке.

Для выявления структуры экономических аттитюдов были проведен эксплораторный факторный анализ (по методу главных компонент с варимакс-вращением). При обработке полученных данных был использован статистический пакет SPSS 24.0.

В пилотном исследовании приняли участие студенты из образовательного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Ямальский многопрофильный колледж» (39 человек: 38% юношей, 62% девушек, средний возраст 18,6). Опросник предлагался студентам для заполнения в бумажной форме, среднее время заполнения – 8 минут.

Discussion

Структура экономических аттитюдов (типов экономического сознания молодежи) подтверждается исследованием, полученным на выборке студентов средней полосы России. В исследовании 2017 года, где выборка составляла 400 человек, также обнаружено четыре фактора в структуре экономических аттитюдов, однако содержание данных факторов отличалось (Zabelina, Deyneka, Tsiring, 2019).

Первый фактор отражал активную позицию личности в экономической сфере и был назван «фактор аттитюдов ориентировочной активности в экономике». Второй фактор – «фактор аттитюдов экономического планирования и финансового оптимизма» отражает общность оптимизма по поводу экономического благополучия и установок на сбережение и контроль финансов, а также стремление к финансовой грамотности. Третий фактор –

«фактором доверия/недоверия экономическим акторам и институтам» и четвертый – «фактор социально-экономического сравнения».

В результате исследования авторы делают вывод о существовании двух стратегий психолого-экономической адаптации у студентов: связанной с предпринимательством, активным проявлением своего потенциала в экономической сфере, и связанной с инвестированием. То есть, несмотря на общность структуры экономических аттитюдов, молодые представители КМНС менее уверены в экономическом будущем, не готовы связывать свою жизнь с предпринимательством.

Results

В результате проведения факторного анализа было обнаружено четыре фактора в структуре экономических аттитюдов молодежи КМНС (таблица 1).

Таблица 1. Факторное отображение структуры экономических аттитюдов молодежи КМНС

Утверждение	Факторы			
	1	2	3	4
потребительское удовлетворение	,835			
уверенность в будущем благодаря сбережениям	,823			
финансовая грамотность	,694			
недоверие к банкам, иррациональность		,710		
социальная ответственность богатства		,705		
приоритет заработка здоровью	-,466	,654		
негатив к предпринимателям	-,454	,557		
готовность инвестировать		,517		
активность в сфере недвижимости		,506		
потребительская активность		,479		
осознание потребительской иррациональности			,811	
рациональность покупок			,686	
инвестиционная неграмотность			,613	
активность, рациональность в банковской сфере	,468		,497	
ценность самостоятельных экономических достижений			,495	,423
познавательная экономическая активность			-,459	
значимость финансового статуса				,700
экономические амбиции				,671
финансовый оптимизм				,614
приоритет заработка призванию				,504
стремление к сбережению				,420

В первый фактор, объясняющий 17,53% общей дисперсии, вошли следующие аттитюды: потребительское удовлетворение, уверенность в будущем благодаря сбережениям, финансовая грамотность, активность и рациональность в банковской сфере, приоритет заработка перед здоровьем (с отрицательным знаком) и негативное отношение к предпринимателям (с отрицательным знаком).

Содержание данного фактора отражает психологический тип молодых людей, оценивающих себя как обладающих знаниями в финансовой сфере, формирующих сбережения на будущее, проявляющих активность и рациональность при работе с банками, позитивно относящихся к предпринимателям, осознающих ценность здоровья. Все перечисленные аттитюды приводят к удовлетворенности этого типа молодежи в сфере потребления. Данный фактор отражает уверенное поведение в экономической сфере, основанное на грамотном отношении к финансам и финансовым институтам.

Во второй фактор, объясняющий 14,7% общей дисперсии, вошли показатели: недоверие к банкам, социальная ответственность богатства, приоритет заработка перед здоровьем, негатив к предпринимателям, готовность инвестировать, активность в сфере недвижимости, потребительская активность.

Данный фактор отражает незрелое, противоречивое отношение молодежи к экономическим реалиям. С одной стороны, молодые люди этого психологического типа готовы проявлять активность в сфере экономики и даже рисковать, инвестируя крупные суммы, готовы работать ради денег в ущерб собственному здоровью. В тоже время, они не доверяют финансовым институтам и акторам (например, предпринимателям), хотя и признают их социальную ответственность. Скорее всего, данный фактор отражает «растерянную» молодежь, не осознающую четко, что необходимо делать, чтобы быть успешными в экономической сфере.

В третий фактор, объясняющий 11,6% дисперсии, вошли такие экономические аттитюды, как осознание потребительской иррациональности, рациональность покупок, инвестиционная неграмотность, активность в банковской сфере, ценность самостоятельных экономических достижений, познавательная экономическая активность (с отрицательным знаком).

Данный фактор может характеризовать психологический тип молодых людей, которые хорошо понимают механизмы рекламы и маркетинга, стремятся к личным достижениям в экономической сфере, однако при этом не готовы получать соответствующие знания. Возможно, обучение финансовой грамотности не является ценностью для студентов.

В четвертый фактор, объясняющий всего 9% дисперсии, вошли: значимость финансового статуса, экономические амбиции, финансовый оптимизм, приоритет заработка перед призванием, ценность самостоятельных экономических достижений и стремление к сбережению. Содержание данного фактора отражает психологический тип амбициозных молодых людей, стремящихся обеспечить себе высокий финансовый статус в будущем. Они оптимистично настроены, верят в успех, однако не владеют знаниями и финансовыми инструментами для этого, кроме осуществления сберегательного поведения.

Conclusion

Полученные результаты в целом согласуются с результатами ранее проведенных исследований на этой выборке. Так, сравнительный анализ экономических аттитюдов молодежи КМНС и молодежи средней полосы России (Забелина, Курносова, 2018) показывает меньшую активность и осознанность при выборе банковских услуг у студентов – представителей КМНС. Они характеризуются меньшей познавательной активностью в экономической сфере, а также более низкими финансовыми амбициями. Они в меньшей степени склонны ценить личный финансовый успех и усилия в его достижении (Забелина, Курносова, 2018). В роли потребителей, в сфере

покупок они более наивны и менее практичны, чем их сверстники. В то же время они в большей степени ценят сбережения как залог уверенности в будущем, в большей мере склонны откладывать средства на будущее.

Таким образом, в рамках пилотного исследования выявлено четыре фактора в структуре экономических аттитюдов молодежи – представителей КМНС, которые можно рассматривать в качестве типов экономического сознания. При этом, из четырех типов экономического сознания молодежи – представителей КМНС только один является финансово уверенным и грамотным. Другие три типа испытывают трудности со знаниями в области экономики, что может привести к неудовлетворенности и разочарованию в данной сфере в будущем.

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о недостаточной финансово-экономической грамотности молодежи – представителей коренных малочисленных народов Арктической зоны. Данный факт влечет за собой потенциальные проблемы не только связанные с отсутствием возможной дальнейшей экономической эффективности конкретного человека, но и с его мировоззренческим кризисом в условиях постоянного увеличения различных финансовых инструментов, во многом определяющих как личную, так и профессиональную успешность индивида.

Следовательно, исследования экономических аттитюдов молодежи – представителей коренных малочисленных народов Арктической зоны должны быть продолжены, например, посредством увеличения выборки и/или проведения качественного исследования, с целью выработки оптимальных механизмов формирования финансово-экономической грамотности молодежи.

References

Antonides, G. and Van Der Sar, N.L. (1990) Individual expectations, risk perception and preferences in relation to investment decision making. In *Journal of Economic Psychology*, 11, 2, 227–245.

Arhipova, T.A. (2001). Ekonomicheskoe povedenie v rossijskom transformiruyushchemsya obshchestve: sushchnost', cherty, napravleniya formirovaniya [Economic behavior in the Russian transforming society: essence, lines, directions of formation]. Dissertaciya kandidata ekonomicheskikh nauk po special'nosti 08.00.01 [Dissertation of the candidate of economic sciences in the specialty 08.00.01]. Rostov-na-Donu.

Armitage, C.J. and Conner, M. (2000) Attitudinal ambivalence: a test of three key hypotheses. In *Personality and Social Psychology Bulletin*, 26, 1421–1432.

Borisov, V.N., & Pochukaeva, O.V. (2016). Vzaimosvyazi faktorov razvitiya Arkticheskoy zony RF [Interrelations of factors of development of the Arctic zone of the Russian Federation]. In *Problemy prognozirovaniya [Problems of Forecasting]*, 2, 59-68.

Brega, G.V. (2018). Etnicheskie osobennosti ekonomicheskogo povedeniya [Ethnic features of economic behavior.]. Izdatel'stvo «Prometej» [Publishing "Prometheus"].

Chaiken, S. and Yates, S. (1985) Affective-cognitive consistency and thought-induced attitude polarization. In *Journal of Personality and Social Psychology*, 49, 1470–1481.

Dejneka, O.S. (1999). *Ekonomicheskaya psihologiya: social'no-politicheskie problem [Economic psychology: socio-political problems]*. Sankt-Peterburg, t. Petersburg State University.

Dejneka, O.S. (2011). Ekonomicheskoe soznanie: fenomenologiya, struktura i potencial razvitiya [Economic consciousness: phenomenology, structure and development potential]. In *Kul'tura i ekonomicheskoe povedenie [Culture and economic behavior]*. Moskva: Maks Press, 118-148.

Dejneka, O.S., & Zabelina, E.V. (2018). Rezul'taty razrabotki shkal'nogo mnogofaktornogo oprosnika dlya ekspress-dagnostiki ekonomicheskikh attityudov [The results of the development of a school multifactor questionnaire for express

diagnostics of economic attitudes]. In *Psichologicheskie issledovaniya [Psychological Research]*, 11 (58), 9. URL: <http://psystudy.ru>

Detter, G.F. (2018). Formirovanie funkcional'no polnoj innovacionnoj infrastruktury v ekosisteme arkticheskikh regionov [Formation of a functionally complete innovation infrastructure in the ecosystem of the Arctic regions]. In *Voprosy innovacionnoj ekonomiki [Issues of Innovation Economy]*, 8 (1), 91-104.

Dinauer, L.D. & Fink, E.E. (2005) Interattitude structure and attitude dynamics. In *Human Communication Research*, 31, 1–32.

Dregalo, A.A., & Ul'yanovskij, V.I. (2016). *Inercionnye processy v obshchestvennom soznanii Severnogo regiona Rossii. – Monitoring i ocenka razvitiya territorii Arkticheskoy zony [Inertial processes in the public consciousness of the Northern region of Russia. – Monitoring and assessment of the development of the territory of the Arctic zone]*. Arhangel'sk, izdatel'stvo «KIRA», 304–306.

Frolov, I.E. (2015). Osvoenie rossijskoj zony Arktiki: problemy vossozdaniya transportnoj i voennoj infrastruktur [The development of the Russian zone of the Arctic: the problem of recreating the transport and military infrastructures]. In *Problemy prognozirovaniya [Problems of Forecasting]*, 6, 67-74.

Furnham, A. (1985) Why Do People Save? Attitudes to, and Habits of Saving Money in Britain. In *Journal of Applied Social Psychology*, 15, 5, 354–373.

Furnham, A. (1987) The structure of economic beliefs. In *Personality and Individual Differences*, 8, (2), 253–260.

Furnham, A. (1996) Attitudinal correlates and demographic predictors of monetary beliefs and behaviours. In *Journal of Organizational Behavior*, 17 (4), 375–388.

Haryuchi, G.P., & Petrova, V.P. (2014). Nency v istorii Yamala [Nenets in the history of Yamal]. In *Nauchnyj vestnik Yamalo-Neneckogo avtonomnogo okruga [Scientific Herald of the Yamalo-Nenets Autonomous District]*, 3(84), 55-59.

Kalil, A., Schweingruber, H.A. and Seefeldt, K.S. (2001) Correlates of employment among welfare recipients: Do psychological characteristics and attitudes matter? In *American Journal of Community Psychology*, 29 (5), 701–723.

Kistova, A.V., Zamaraeva, J.S., Pimenova, N.N., Reznikova, K.V., Koptseva, N.P., & Seredkina N.N. (2016). Regional Peculiarities in Modernization Processes within the Territories of Central Siberia. In *International Review of Management and Marketing*, 6(4), 857–865.

Komkov, N.I., Selin, V.S., Cukerman, V.A., & Goryachevskaya E.S. (2016). Scenarnyj prognoz razvitiya Severnogo morskogo puti [Scenario forecast for the development of the Northern Sea Route]. In *Problemy prognozirovaniya [Problems of Forecasting]*, 2, 87–98.

Koptseva, N. P. (2014). Expert analysis of the main trends of Northern Siberia's Indigenous small-numbered peoples economic development. In *Economic-Annals-XXI*, (11–12), 93–96.

Koptseva, N. P., & Kirko, V. I. (2014a). Ethic identification of indigenous people of the Siberian Arctic. In *American Journal of Applied Sciences*, 11(9), 1573–1577.

Koptseva, N. P., & Kirko, V. I. (2014b). The information basis for formation of positive ethnic identities in the process of acculturation of indigenous peoples of the Arctic Siberia (Krasnoyarsk, Russia). In *Life Sci J*, 11(8), 479–483.

Koptseva, N. P., & Kirko, V. I. (2014c). Specificity of ethnogeny indigenous peoples by Central Siberia in the transition from the traditional type of society to modern society. In *Life Sci J*, 11(7), 409-413.

Koptseva, N.P., Sergeeva, N.A., & Ermakov, T.K. (2018). Sovremennyye sposoby etnicheskoj samoidentifikacii na materiale analiza evenkijskoj etnokul'turnoj gruppy [Modern ways of ethnic self-identification based on the analysis of the Evenki ethnocultural group]. In *Specifika etnicheskih migracionnyh processov na territorii central'noj Sibiri v XX-XXI vekah: opyt i perspektivy [Specificity of ethnic migration processes in the territory of central Siberia in the*

XX-XXI centuries: experience and prospects]. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo: Sibirskij federal'nyj universitet, 195-198.

Lea, S.E.G., Webley, P., & Walker, C.M. (1995) Psychological factors in consumer debt: Money management, economic socialization, and credit use. In *Journal of Economic Psychology*, 16 (4), 681–701.

Leksin, V.N., & Porfir'ev, B.N. (2015). Nauchnyj i institucional'nyj potencial kompleksnogo razvitiya rossijskoj Arktiki v sredne- i dolgosročnoj perspective [The scientific and institutional potential of the integrated development of the Russian Arctic in the medium and long term]. In *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], 6, 58–66.

Lewis A., Webley P., Furnham A. *The new economic mind: the social psychology of economic behavior*. N.Y. 1995.

Lewis, A. and Furnham, A. (1986) Reducing unemployment: Lay beliefs about how to reduce current unemployment. In *Journal of Economic Psychology*, 7 (1), 75–85.

Luzan, V.S. Specifika realizacii kul'turnoj politiki v sub"ektah, obrazovannyh po nacional'nomu priznaku, i v mestah kompaktnogo prozhivaniya korenyh malochislennyh narodov [The specifics of the implementation of cultural policy in the subjects formed on a national basis, and in areas densely populated by indigenous minorities]. In *Liki kul'tury v epohu social'nyh peremen. Materialy Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoj konferencii* [Liki culture in the era of social change. Materials of the All-Russian with international participation scientific conference.]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet [Publisher: Ural State Pedagogical University], 165 –169.

Mewse, A.J., Lea, S.E.G. and Wrapson, W. (2010) First steps out of debt. Attitudes and social identity as predictors of contact by debtors with creditors. In *Journal of Economic Psychology*, 31 (6), 1021–1034.

Minnegaliev, I.M., & Hajrullin, A.G. (2010). Ekonomičeskaya mental'nost': sushchnost', struktura, rossijskaya specifika [Economic mentality: essence, structure, Russian specificity].

essence, structure, Russian specificity]. In *Social'no-ekonomicheskie i tekhnicheskie sistemy [Socioeconomic and Technical Systems]*, 1.

Nattel, M. (2008). Neft', gaz i prava aborigenov v Arktike: opyt Severnoj Kanady [Oil, gas and aboriginal rights in the Arctic: the experience of Northern Canada]. In *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*, 3, 4-17.

Novikova, N.I. (2014). *Ohotniki i neftyaniki: Issledovanie po yuridicheskoj antropologii [Hunters and oilmen: A study on legal anthropolog]*. Moskva, izdatel'stvo "Nauka" [publishing house "Science"].

Osipova, O.V. (2014). Izmenenie zhiznennyh strategij i ekonomicheskogo povedeniya molodezhi Arktiki [Changes in life strategies and economic behavior of young people in the Arctic]. In *Arktika i Sever [Arctic and North]*, 14.

Pavlenko, V.I., Dregalo, A.A., Ul'yanvskij, V.I., Kucenko, S.YU. & Malinina, K.O., Balickaya S.M. (2017). Metodologicheskie osobennosti social'no-ekonomicheskikh issledovanij Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii [Methodological features of socio-economic research in the Arctic zone of the Russian Federation]. In *Izvestiya Komi nauchnogo centra UrO RAN [Investiy Komi Scientific Center UB RAS]*, 1(29). Syktyvkar.

Pavlov, K.V. (2016). Etnoterritorial'nye i nacional'nye modeli menedzhmenta i ekonomiki [Ethno-territorial and national models of management and economics]. In *Ekonomika i upravlenie: teoriya i praktika [Economics and Management: Theory and Practice]*, 2 (2), 23–36.

Pilyasov, A.N. (2009). *I poslednie stanut pervymi: Severnaya periferiya na puti k ekonomike znaniya [And the latter will be the first: the Northern periphery on the path to the economy of knowledge]*. Moskva, izdatel'stvo Knizhnyj dom «LIBROKOM».

Reznikova, K., Sereckina, N., Koptseva, N., & Zamaraeva, J. (2016). Regional specifics of social values and their impact on Central Siberian territories' modernization (based on research of Krasnoyarsk region). In *Economic Annals-XXI*, 160(7-8), 92–95.

Rosenberg, M.J. (1960) A Structural Theory of Attitude Dynamics. In *Public Opinion Quarterly*, 24, 319–340.

Tatarkin, A.I., & Loginov, V.G. (2015). Ocenka prirodno-resursnogo i proizvodstvennogo potenciala severnyh i arkticheskikh rajonov: sostoyanie i perspektivy ispol'zovaniya [Assessment of the natural resource and production potential of the northern and arctic regions: state and prospects of use]. In *Problemy prognozirovaniya [Problems of Forecasting]*, 1, 34-44.

Tishkov, V.A. (ed.) (2016). *Rossijskaya Arktika: korennyye narody i promyshlennoe osvoenie [Russian Arctic: Indigenous peoples and industrial development.]*. Moskva, Sankt-Peterburg, izdatel'stvo Nestor-Istoriya [Nestor-History publishing house].

Von Stumm, S., Fenton O'Creevy, M., Furnham, A. (2013) Financial capability, money attitudes and socioeconomic status: Risks for experiencing adverse financial events. In *Personality and Individual Differences*, 54 (3), 344–349.

Zabelina E., Deyneka O., Tsiring D. (2019) Entrepreneurial attitudes in the structure of students' economic minds. In *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. URL: <https://doi.org/10.1108/IJEBR-04-2018-0224>.

Zabelina, E.V., & Kurnosova, S.A. (2018). Osobennosti ekonomicheskogo soznaniya predstavitelej korennyh malochislennyh narodov Arkticheskoy zony: rezul'taty pilotnogo issledovaniya molodezhi [Features of the economic consciousness of the representatives of the indigenous peoples of the Arctic zone: the results of a pilot study of young people]. In *Peterburgskij psihologicheskij zhurnal [Petersburg Petersburg Psychological Journal]*, 23. URL: <http://ppj.spbu.ru/index.php/psy/article/view/203>.

Zen'ko, M.A. (2001). Sovremennyj YAmal: etnoekologicheskie i etnosocial'nye problem [Modern Yamal: ethno-ecological and ethno-social problems]. In *Issledovaniya po prikladnoj i neotlozhnoj etnologii [Research in Applied and Urgent Ethnology]*, 139.

Zhuravlev, A.L. (2004). Ekonomicheskaya psihologiya v kontekste sovremennoj psihologicheskoy nauki [Economic psychology in the context of modern psychological science]. In Problemy ekonomicheskoy psihologii [Problems of economic psychology]. Vol. 1. Moskva, Izdatel'stvo «IP RAN», 3–24.

Zhuravlev, A.L., & Kuprejchenko, A.B. (2003). *Nravstvenno-psihologicheskaya regulyaciya ekonomicheskoy aktivnosti* [Moral and psychological regulation of economic activity]. Moskva, izdatel'stvo IP RAN.